

В статье С. И. Успенского «Об ориентировке головы человека по статической горизонтали в связи с методикой краниологического изучения» обсуждаются различные методы ориентировки черепа для целей краниологического исследования. Предлагается новый способ ориентировки по установлению плоскостей утрикулярных пятен к горизонтали. Это аргументируется огромным жизненным значением стабильности и его определяющим влиянием на пространственное положение головы у разных групп животных. По отношению к человеку новая установка означает горизонтальное положение черепа по линии назнон — порион. Несомненно, что применение предлагаемого способа ориентировки в сравнительно-морфологических работах, трактующих вопросы изменения черепа в процессе антропогенеза, может привести к интересным и неожиданным результатам. Однако его значение для палеоантропологии и краниологии современных рас не следует переоценивать. Поскольку на протяжении многих десятков лет почти во всех краниологических работах углы определялись по отношению к франкфуртской горизонтали, собранный до сих пор огромный материал по вариациям угловых размеров у различных групп современного человечества оказался бы, практически, исключенным из рассмотрения при введении физиологической горизонтали. Как и при применении любых новых приемов исследования (до накопления больших сравнительных материалов), в данном случае было бы желательно во всех краниологических работах ввести двойное определение углов по отношению к франкфуртской и новой горизонталям.

Статья Я. Я. Рогинского «Величина изменчивости измерительных признаков черепа и некоторые закономерности их корреляции у человека» посвящена малоизученному вопросу, имеющему огромное значение для выработки объективного подхода к оценке сходства и различия современных расовых типов. В качестве стандартной величины внутригрупповой изменчивости автор принял сигмы норвежской серии мужских черепов из Осло. Для учета величины межгрупповой изменчивости вычислялась разность между средними, отнесенная к наименьшей средней. Оказалось, что внутри- и межгрупповая изменчивости у современного человека связаны большой положительной корреляцией, т. е. что расовые группы отличаются по сильно варьирующим признакам значительно больше, чем по маловарьирующим. У неандертальцев эта связь менее отчетлива и различия между отдельными локальными вариантами по маловарьирующим признакам больше, чем у современных рас. В соответствии с защищаемой им гипотезой моноцентризма Я. Я. Рогинский рассматривает это обстоятельство как косвенное доказательство более высокого таксономического ранга локальных групп неандертальцев в сравнении с современными расами, что свидетельствует в пользу гипотезы локального формирования *Homo sapiens*.

Вычисление большого количества корреляций на сериях черепов армян, хантов и норвежцев, произведенное автором, показало, что различия в их величине у разных серий в общем ничтожны. Все случаи увеличения различий падают на мозговую череп. Величины коэффициента корреляции между продольным и поперечным диаметрами в долихокраниальных группах больше, чем в брахикраниальных. Эти частные наблюдения приводят автора к формулировке общего вывода о том, что определенные величины корреляции являются функцией биологического значения связи соответствующих размеров.

Последняя статья «Кама-Жулановская мезолитическая стоянка» О. Н. Бадера и Б. Г. Тихонова содержит подробное описание результатов исследования раннего мезолитического горизонта новой стоянки на Каме. Формы микrolитического инвентаря сближаются с волго-окскими стоянками. Из факта отсутствия в инвентаре характерных свидерских наконечников стрел авторы делают вывод о том, что Прикамье представляло собою в мезолите особую культурную область. К сожалению, из-за отсутствия чертежа разреза остается не вполне ясным, в какой мере стратиграфия стоянки подтверждает самостоятельность и своеобразие выделенного мезолитического комплекса.

Сборник в целом является серьезным вкладом в антропологическую и археологическую литературу. Он дает представление о работах, проводимых в институте и на кафедре антропологии МГУ и, несомненно, вызовет интерес у специалистов различных областей знания.

В. П. Алексеев

НАРОДЫ СССР

Н. И. Воробьев, А. Н. Львова, Н. Р. Романов, А. Р. Симонова. *Чуваши (Этнографическое исследование)*. Часть первая. Чебоксары, 1956, 414 стр.

Рецензируемая книга представляет собой опыт коллективного исследования, посвященного культуре и быту чуваш в прошлом и настоящем. Необходимость в такой книге давно назрела, и своевременность ее издания очевидна.

В чувашской дореволюционной и советской историографии до появления этой книги не было еще столь крупного исследования, базирующегося на большом фактическом материале и подробно обрисовывающего почти все стороны жизни чувашского народа.

На страницах книги наряду с освещением современной жизни чуваш рассматриваются вопросы их происхождения, формирования их культуры, дается развернутая

характеристика их дореволюционного быта. Авторами обобщен обширный полевой, литературный и музейный материал. Полевой материал авторы собирали лично, принимая участие в ряде экспедиций, проведенных в 1949—1953 гг. Чувашиским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории и Чувашиским краеведческим музеем при содействии и участии Казанского филиала АН СССР.

В настоящее время из печати вышла первая часть монографии, которая состоит из развернутого введения, характеристики хозяйства и материальной культуры чуваш и краткого заключения. К изданию приложена обширная библиография, которая может служить справочным пособием не только по истории и этнографии чуваш, но отчасти и по этнографии других народов Поволжья. Книга богато иллюстрирована (183 рисунка в тексте и 8 цветных таблиц).

Введение состоит из трех глав: 1 — краткий обзор истории изучения чувашского народа и литературы о нем; 2 — краткий очерк истории формирования народа, его культуры и быта; 3 — природные условия мест обитания чувашского народа, его расселение, демографические данные, разделение на группы.

Проблемы происхождения чуваш и попытки разрешить их, опираясь на данные языка, археологии и главным образом этнографии, занимают основное место не только во введении, но и во всех других главах книги.

Н. И. Воробьев — автор второй главы, рассматривая вопрос о происхождении чуваш и формировании их культуры, решительно отвергает взгляды некоторых (главным образом дореволюционных) исследователей, считавших, что чуваша пришли на место современного обитания уже сложившимся народом, имели единый язык и культуру и были известны под современным названием. Автор не придерживается целиком и болгарской теории, согласно которой только чуваша являются потомками болгар и основными преемниками их культуры. Эта теория, выдвинутая еще в начале XX в. Н. И. Ашмариним, имеет до настоящего времени последователей, главным образом среди чувашских ученых. Н. И. Воробьев считает, что чуваша как народность сформировались на месте своего современного обитания из местных финно-угорских племен, занимавшихся мотыжным земледелием, отчасти скотоводством и охотой. На этих абригенов оказали большое влияние, особенно языковое, тюркские племена кочевников-скотоводов, пришедшие из юго-восточных степных областей (стр. 27). Таким образом, в основе формирования чувашской народности лежат два начала — финское и тюркское, которые прослеживаются и в современном языке и быту чуваш (стр. 36).

Уточняя территорию и время формирования основных групп чувашского народа, Н. И. Воробьев использует данные языка и археологии и приходит к заключению, что окончательное формирование этих групп происходило в XIV—XV вв. в северных районах современной Чувашии. Оно явилось результатом сближения коренного населения этой территории с пришельцами с юга, которые заселяли северо-восточные районы современной Чувашии в значительно большей степени, чем северо-западные. Вследствие этого группа низовых чуваш (анатри), формирование которой, по мнению Н. И. Воробьева, происходило в северо-восточной части современной Чувашской АССР, имеет в своем быту и культуре значительно больше тюркских элементов, чем верховые чуваша (вирьял), живущие в северо-западных районах и сохранившие до наших дней в своей культуре много черт, сближающих их с другими финно-угорскими народами, в частности с мари. Что же касается отождествления современных чуваш с потомками болгар, то автор полагает, что доля болгарского элемента имеется лишь среди анатри, переселившихся из северо-восточных в юго-восточные районы современной Чувашии уже сравнительно поздно, после включения данной территории в состав Русского государства. Раньше же именно эта территория входила в состав Булгарского княжества и имела тюркское (булгарское) население.

Вместе с тем Н. И. Воробьев не отрицает болгарского происхождения самоназвания чувашского народа и отождествляет этноним «чуваша» с «сувазами», подразумевая под сувазами часть болгар, переселившихся на правобережье и смешавшихся с ранее обитавшими здесь родственными племенами (стр. 34).

Положения, выдвинутые автором в качестве рабочей гипотезы, нам кажутся интересными и вполне приемлемыми; однако в науке вопрос о происхождении чуваш до настоящего времени продолжает оставаться дискуссионным. Вследствие этого приходится пожалеть, что «другие мнения и взгляды» на происхождение чуваш, о которых упоминается в монографии, не получили развернутого освещения и соответствующей оценки авторского коллектива.

Нечто новое вносит Н. И. Воробьев и в вопрос о подразделении чуваш на группы и об их расселении. Большинство исследователей выделяло две основные группы: верховых (вирьял) и низовых (анатри) чуваш. Н. И. Воробьев, вслед за Г. И. Комиссаровым, выделяет еще третью, промежуточную группу, так называемую средненизовую, или анат-енчи, допуская, однако, что современные анат-енчи являются частью низовых чуваш, сохранившей в своей культуре значительно больше древних бытовых особенностей, чем другие представители этой группы. Он проводит убедительные доказательства правильности своей точки зрения, опираясь на исследование древних форм костюма, украшений и орнамента у рассматриваемых групп.

В разделе «Хозяйство и материальная культура» характеризуются сельское хозяйство (земледелие и животноводство), неземледельческие занятия и промыслы, средства передвижения, поселения, жилища и хозяйственные постройки, одежда и пища. Обоб-

шая большой материал, авторы стремятся подать его исторически и не только характеризовать чувашскую народную культуру дифференцированно по отдельным социальным группам, но и подтвердить на этнографическом материале ее смешанное происхождение. Они выявляют в ней черты местного происхождения, общие с соседними финно-угорскими народами (мари, мордвой, удмуртами), и черты тюркской культуры, позволяющие сближать чуваш с татарами и башкирами.

Анализируя материальную культуру чуваш, авторы привлекают сравнительный материал по культуре соседних народов края. Однако сравнительный материал, по нашему мнению, следовало бы расширить, и тогда взгляды на происхождение чуваш, высказанные во введении, получили бы большее обоснование. Так, например, характеризуя простейшую срубную постройку чуваш — лас и сравнивая ее с аналогичными постройками других народов края (куала удмуртов и куда мари), следовало бы указать, что постройки этого типа, обладающие такими конструктивными деталями, как незамкнутая двускатная крыша, навес перед входом, а также такие строения, как двухэтажные амбары, типичны для финно-угорских народов, у которых формирование культуры происходило в лесной зоне.

При описании одежды можно было бы указать на ряд общих элементов не только в costume верховых чуваш и горных мари, но и других финно-угорских народов — удмуртов и мордвы. Для женского традиционного костюма всех этих народов были характерны рубаха и верхняя распашная одежда из белого холста, украшенные вышивкой, а также весьма близкие типы головных уборов. У чуваш, как и у других финно-угорских народов края, была особенно распространена лыковая обувь с ремешками, а позднее лыковыми оборами. У женщин существовал обычай толсто бинтовать ноги белыми или черными онучами.

Авторы указывают на характерную для чуваш запряжку лошади (с дугой); следовало бы подчеркнуть, что подобная запряжка особенно типична для народов лесной полосы Восточной Европы.

Недостаточно использован в книге терминологический материал, не только в сравнительном плане, но и для обозначения, например, сельскохозяйственных орудий и культур: ржи, ячменя, полбы и др. (стр. 82—83). Мало привлекается и археологический материал, в особенности в главе, посвященной хозяйству. Между тем именно в этой главе археологические материалы (находки древних сельскохозяйственных орудий, зерен культурных растений и пр.) могли бы подтвердить взгляды авторов на древность земледельческой культуры чуваш.

В книге имеются и более мелкие погрешности. Так, например, в главе IV («Сельское хозяйство») недостаточно четко описаны типы пахотных орудий и не указаны характерные для чуваш типы сох, косулей и борон (стр. 82). Распространение косули авторы связывают с подсечным земледелием и относят ее появление к «отдаленным временам феодального периода» (стр. 82). Однако общеизвестно, что косуля является более усовершенствованным, чем соха, пахотным орудием и что на соседней территории (в б. Вятской и Пермской губерниях) она получила распространение лишь в конце XIX — начале XX в.

Авторы указывают на существование у чуваш уже в XV в. трехполья, якобы принятого от русских, однако они не сообщают читателю, какими данными по этому вопросу они располагают. Мало сказано о бортичестве, хотя в прошлом это занятие играло существенную роль в хозяйственной жизни чуваш. Детальное описание используемых орудий и способов ведения бортевого пчеловодства было ценно для характеристики старой культуры чуваш.

Современный быт показан несколько поверхностно. Почти не поставлены общие проблемы, анализ значительно менее глубок, чем в отношении дореволюционной культуры чуваш.

Ряд досадных погрешностей следует отнести за счет недостаточно внимательной работы редактора. Книга излишне растянута, встречаются повторения, материал не всегда удачно скомпонован. Так, например, общая характеристика сельского хозяйства дана в трех местах, кроме самостоятельной главы (IV); об озеленении усадеб и поселков сказано также в нескольких местах. Для понимания текста было бы значительно лучше дать цветные таблицы в соответствующих местах, а не в конце книги; кроме того, они по недосмотру вклеены в раздел «Библиография», разбивая его на две части. Приходится пожалеть и о неудовлетворительном качестве фотографий — очень интересные по содержанию, они плохо выполнены технически. Недочетом научного аппарата является отсутствие ссылок на полевой материал, наиболее интересный и ценный.

Несмотря на эти досадные погрешности ценность книги бесспорно велика. Описывая и анализируя хозяйство и материальную культуру чуваш, авторы сумели подтвердить фактическим материалом положения, выдвинутые во введении. Произведенный ими анализ этнографического материала показывает, что чуваш можно считать тюркским народом только по языку. По своему быту и культуре они стоят значительно ближе к финно-угорским народам Поволжья. Ценно то, что авторам удалось показать различную степень тюркского элемента в культуре отдельных чувашских групп, показать культурную близость вирьял к мари, а анатри — к татарам. И если эта книга не разрешает всех спорных вопросов, то все же она проливает свет на сложную проблему происхождения чувашского народа и формирования его культуры.